

Г. Х. Саркисян

САМОУПРАВЛЯЮЩИЙСЯ ГОРОД СЕЛЕВКИДСКОЙ ВАВИЛОНИИ

История древневосточных городов в период от завоеваний Александра Македонского до начала нашей эры обычно выпадает из поля зрения исследователей. Их внимание в основном привлекают те новые явления, которые наблюдаются в это время на Востоке в связи с приходом македонян и греков. Правда, этому содействует то обстоятельство, что греческие источники по данному периоду крайне скупо освещают все неэллинское, а местные (в частности клинописные) источники по количеству и качеству значительно уступают источникам по истории более ранних периодов. Между тем вопрос о состоянии вавилонских городов в селевкидское время и, в частности, вопрос об их государственно-правовом статусе весьма важен, и его изучение могло бы дополнить существенными чертами господствующее в науке представление о политическом строе селевкидского государства.

Традиционно это государство представляется в виде «обширной сети городов и поселений более или менее греческого характера», служивших опорой власти Селевкидов¹ и окруженных «массами азиатов». Это определение односторонне и неточно, ибо не принимает во внимание факта существования многочисленных и крупных древневосточных городов, не носивших греческого характера, факта, который Селевкиды, поскольку они стремились создать централизованное государство, не могли игнорировать.

Действительно, имеется некоторый материал, подтверждающий, что вавилонские города (по крайней мере, некоторые из них) пользовались во времена Селевкидов определенными правами и привилегиями, аналогичными правам и привилегиям городов с греческим устройством, обладавших статусом полиса. Это указание источников не представляет ничего удивительного; политика Селевкидов по отношению к вавилонским городам определялась, конечно, значением Вавилонии в системе их государства, а Вавилония в течение всей своей истории была экономически наиболее развитой страной в Передней Азии² и обладала огромным политическим

¹ В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 143. См. ниже, стр. 81.

² Экономическое превосходство Вавилонии, даже во времена ее упадка, над другими областями Передней Азии прекрасно иллюстрируется соотношением количества дани, уплачивавшейся персидскому царю. Вавилония платила 1000 талантов (Нег., III, 92), что превышает более чем в полтора раза дань любой другой области Передней Азии. В селевкидский период крупнейший город эллинистического мира — Селевкия на Тигре — не случайно вырос именно на территории Вавилонии. Известие

весом, что, несомненно, учитывали еще Александр и диадохи, первый — избрав своей резиденцией Вавилон, последние — в своем стремлении к господству над Передней Азией стараясь во что бы то ни стало закрепить за собой Вавилонию.

Источники, позволяющие судить о состоянии вавилонских городов в селевкидское время, происходят в основном из Урука. Это, в первую очередь, частные контракты ¹, охватывающие хронологически период с 317 по 134 г. до н. э., и затем две строительные надписи правителей Урука ². Имеется также несколько документов из Вавилона и Куту ³ и среди них очень любопытный клинописный почетный декрет, напоминающий подобного рода постановлений греческих полисов.

Общие вопросы истории этого времени рассмотрены у Б. А. Тураева, а также в специальной статье Н. В. Пигулевской ⁴. Несколько работ в буржуазной историографии касаются частных контрактов из Урука. Характерно, что, хотя последние использованы в этих работах и для истории права ⁵, и для истории религии ⁶, и для вопросов ономастики ⁷, и для истории языка ⁸, и для топографии Урука (А. Falkenstein, *ук. соч.*), но нет ни одной серьезной попытки рассмотреть их как источник по истории вавилонского общества селевкидского времени. Единственная работа, которую в этой связи можно отметить, это работа А. Эмара ⁹, интересная выводом о том, что клинописные контракты селевкидского Урука принадлежали обособленному кругу лиц, которых автор считает храмовыми служителями.

В настоящей работе сделана попытка рассмотреть на основании указанных источников некоторые стороны политического устройства вавилонских городов селевкидского времени.

Кроме клинописных табличек, на которых записаны упомянутые выше

Плиния Старшего, что Селевк стремился «исчерпать» Вавилон, чтобы устранить конкурента Селевий, вряд ли следует принимать полностью. Кроме того, в Вавилонии было множество других городов, о которых Плиний ничего не говорит.

¹ Всего издано около полутора ста частных контрактов из Урука селевкидского времени. Основные издания: А. Т. С l a y, *Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan, II: Legal Documents from Erech, New York, 1913*; О. S c h r o e d e r, *Vorderasiatische Schriftdenkmäler der königlichen Museen zu Berlin*, вып. XV: *Kontrakte der Seleukidenzeit aus Warka, Leipzig, 1916*; G. C o n t e n a u, *Musée du Louvre, Textes cunéiformes, XIII, Contrats Néo-Babyloniens, Paris, 1929*. В Государственном Эрмитаже хранится небольшая, но чрезвычайно интересная неизданная коллекция клинописных контрактов из Урука III—II вв. до н. э., состоящая из восьми табличек. Данные этих контрактов использованы в настоящей работе. Издание А. Т. С l a y осталось недоступным автору данной работы, в которой использовано около ста контрактов, а также некоторые сведения об остальных, почерпнутые из литературы.

² А. F a l k e n s t e i n, *Topographie von Uruk, I: Uruk zur Seleukidenzeit, Leipzig, 1941*, стр. 4—7. А. Т. С l a y, *Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection, New Haven, 1915*, № 52.

³ Е. U n g e r, *Babylon, die Heilige Stadt, 1931*, стр. 319; А. Т. С l a y, *Babylonian Records, I, New York, 1912*, № 88.

⁴ Б. А. Тураев, *История древнего Востока, II, Л., 1936*, стр. 251—257; Н. В. Пигулевская, *Угасающий Вавилон, УЗЛГУ, СИН, IX, 1941*, стр. 42—48.

⁵ M. S a n N i c o l ò, *Beiträge zur Rechtsgeschichte im Bereiche der keilinschriftlichen Rechtsquellen, Oslo, 1931*, стр. 23 сл., 55—59 и др.

⁶ О. S c h r o e d e r, *Das Pantheon der Stadt Uruk in der Seleukidenzeit, SPAW, XLI, 1916*, стр. 1180—1196.

⁷ M. R u t t e n, *Contrats de l'époque Séleucide, conservés au Musée du Louvre, Paris, 1935*.

⁸ О. K r ü c k m a n n, *Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen, Weimar, 1931*.

⁹ А. A y m a r d, *Une ville de la Babylonie Séleucide, REA, XL, 1938*, № 1, стр. 5—42.

частные контракты, из селевкидского Урука дошел еще и другой вид свидетельств о совершавшихся там торговых и иных сделках — глиняные буллы, в которых запечатывались пергаменные (или папирусные) свитки с текстами контрактов¹. Этот чрезвычайно любопытный факт наличия двух типов хронологически совпадающих документов, фиксирующих одинаковые по характеру сделки, говорит о сосуществовании в Уруке III—II вв. до н. э. двух различных систем составления деловых документов, двух различных систем ведения нотариального дела. То, что это действительно две различные системы — несомненно. На это указывает даже не столько различие в способе изготовления документов, сколько то, что имеющиеся на табличках печати принадлежат только сторонам и свидетелям, в то время как на буллах, кроме частных, имеются еще официальные печати. Это очень важное различие означает, как будет показано дальше, что клинописная нотариальная система избегала государственного контроля (см. ниже, стр. 78 сл.). К этому нужно прибавить, что, если составители контрактов, заключаемых в буллы, пользовались арамейским или греческим языком, то для клинописных контрактов был принят аккадский язык². Отсюда можно уже сделать вывод, что упомянутыми двумя системами пользовались два различных слоя населения Урука. Дело в том, что роль аккадского языка в эту пору весьма специфична. В качестве разговорного языка употреблялся арамейский³. Аккадский был языком религиозных гимнов, религиозного ритуала, математических и астрономических текстов и традиционных летописных хроник. Он сохранялся искусственно. Люди, которые на этом языке писали деловые документы, несомненно составляли некий обособленный слой населения или коллектив, имевший какое-то отношение к храмам.

На основании контрактов можно судить о характере занятий представителей этого слоя населения, так как в некоторых из них упоминаются профессии и должности⁴, обычные для этой среды. Чаще всего эти должности имеют непосредственное отношение к храмам. Поэтому

¹ M. Rostovtzeff, *Seleucid Babylonia*, YCS, III, 1932, стр. 1—91 и таблицы.

² Очевидно, существовали и две различные системы права — греческая и вавилонская.

³ Проникновение арамейского элемента в Месопотамию относится к началу I тысячелетия до н. э. Возникает и увеличивается в числе население, пользующееся арамейским языком, который начинает успешно соперничать с аккадским, сначала завоевывая себе право гражданства наряду с ним, а затем постепенно и вытесняя его. В нововавилонский период процесс вытеснения аккадского языка арамейским, по видимому, усиливается. В период персидского владычества этому процессу особенно содействует принятие арамейского языка в качестве официального языка государственной канцелярии. В этом отношении арамейский язык с приходом греков сменяется греческим, хотя, конечно, преобладающим разговорным языком остается арамейский. Полное исчезновение клинописных документов, знаменующее окончательное вытеснение аккадского языка, относится к началу н. э. (В. Т а р н, *Элл. цив.*, 132). Употребление этого языка в качестве разговорного прекратилось гораздо раньше, вероятно, уже к началу эллинистического периода или, в лучшем случае, существовало в очень ограниченном круге. Чрезвычайно характерно для этого периода, с одной стороны, полное отсутствие писем на аккадском языке — рода документов, тесно связанного с разговорной речью (так, например, от новоассирийского периода, когда аккадский язык еще сохранял свое значение разговорного языка, сохранилось множество писем, см. L. Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, I—IV, 1930—1936, везде), а с другой стороны, исключительно религиозный или научный характер большинства сохранившихся документов. Круг клинописных памятников, постепенно суживаясь, сомкнулся вокруг храмов, которые оставались единственным очагом аккадского языка и письменности.

⁴ Трудно установить из документов грань между профессией и должностью. Например, «писец казны бога» — это, конечно, должность, но вместе с тем и профессия. Поэтому далее в тексте понятия «профессия» и «должность» употребляются как равнозначные.

легче и проще всего было бы, следуя А. Эмару (ук. соч., 19 сл.), считать, что люди, пользовавшиеся клинописной нотариальной системой, являлись храмовыми служителями. Однако этот вопрос нуждается в более детальном рассмотрении.

В контрактах имеются две формы упоминания профессий-должностей, резко отличающиеся друг от друга. В одном случае прямо указывается, что такая-то должность принадлежит данному реальному упоминаемому в документах лицу: например, «Нанаиддин, гончар» (Rutt., II). В такой форме в доступных автору настоящей работы контрактах упомянуты следующие должности-профессии: $am\acute{e}l\acute{s}ipir\ makkur\ ^dAnu$ — «секретарь казны бога Ану» (Rutt., XV), $am\acute{e}lku\acute{s}sar\ makkur\ ili$ — «писец на пергамене казны бога» (VS, 6), $am\acute{e}lkin\acute{i}stum\ \acute{s}a\ Bit-r\acute{e}\acute{s}$ — «член храмовой корпорации ¹ храма Бит-Реш» (Winckw.), $am\acute{e}lkalama\acute{h}hu\ ^dAnu$ — «главный певчий бога Ану» (VS, 12), $am\acute{e}lr\acute{a}'\acute{u}\ \acute{s}a\ bit\ il\acute{a}ni\ \acute{s}a\ Uruk^{ki}$ — «пастырь храмов Урука» (VS, 22), $am\acute{e}lKIR\ \cdot\ K\acute{I}\ \cdot\ LU\ \acute{s}a\ bit\ il\acute{a}ni$ — «...? храмов» (VS, 12), $am\acute{e}l\acute{e}pis\ dul-lu\ \acute{t}\acute{i}\acute{i}^{na}\ \acute{s}a\ bit\ il\acute{a}ni\ \acute{s}a\ Uruk^{ki}$ — «выполняющий глиняные (земляные?) работы храмов» (VS, 22), $am\acute{e}l\acute{i}\ \cdot\ DU_8\ bit\ makkuri$ — «привратник дома казны» (VS, 14; ГЭ, 15558), $am\acute{e}l\acute{s}\acute{a}hit\ \acute{s}amni$ — «масло» (Rutt., IV), $am\acute{e}lpah\acute{h}\acute{a}ru$ — «гончар» (Rutt., II), $am\acute{e}la\acute{s}laku$ — «сукновал» или «прачечник» (VS, 12).

В другом случае упоминается лишь сама должность, но связанное с ней лицо не обозначается как ее носитель или исполнитель. Данная должность здесь упоминается только в связи с продажей права на довольствие за нее ($i\acute{s}ku$, идеограмма $GI\acute{S}\ \acute{S}UB\ \cdot\ BA$ — «часть», «доля», «жребий»), выплачивавшееся из доходов храма: например, «Ануахиддин продает такую-то часть своего довольствия „пекарства“...» и т. д.

Нижеследующий перечень таких должностей-профессий составлен на основании контрактов по продаже прав на довольствие и дополнен документом VS, 1, представляющим собой не контракт, а список обладателей прав на довольствие ²: $am\acute{e}l\acute{a}\acute{s}iru$ — «заклинатель»*, $am\acute{e}lnagg\acute{a}ru$ — «плотник»*, $am\acute{e}l...SAR$ (значение неизвестно)*, $am\acute{e}l\acute{p}ur\acute{k}ullu$ — «резчик печатей»*, $am\acute{e}l\acute{k}ur\acute{k}urru$ — «медник»*, $am\acute{e}l\acute{k}utinnu$ — «ювелир»***, $am\acute{e}l\acute{b}ar\acute{p}iru$ — «пивовар»***, $am\acute{e}lnu\acute{h}atimmu$ — «пекарь»***, $am\acute{e}l\acute{s}\acute{a}hit\ \acute{s}amni$ — «маслобой», $am\acute{e}lt\acute{a}bihu$ — «мясник», $am\acute{e}lGE\acute{S}\ \cdot\ TIN$ — «винодел», $am\acute{e}lGIR\ \cdot\ SEG$ — «евнух» (?). Из этих должностей первые шесть, т. е. «заклинатель», «плотник», $am\acute{e}l...SAR$, «резчик печатей», «медник» и «ювелир», — входили, согласно списку VS, 1, в разряд $am\acute{e}l\acute{e}rib\ biti$ — «входящих в храм», «имеющих доступ в храм», т. е. были связаны с правом участия в храмовом ритуале.

Таким образом, как большинство должностей первой группы, так и должности второй группы связаны с храмами. Это, казалось, должно было бы подтвердить, что речь идет о храмовых служителях: действительно, при древневосточных храмах имелись огромные хозяйства, в которых, наряду с рабами, были заняты и свободные ремесленники, средства к жизни которым обеспечивал храм, ставя их тем самым в зависимое положение.

¹ Согласно указанию И. М. Дьяконова, это — термин арамейского происхождения (арам. $k\acute{e}ni\acute{s}t\acute{a}$, др.-евр. $k\acute{e}n\acute{a}s\acute{a}t^{h}$) — тот же, который применялся для обозначения иерусалимской религиозно-политической общины иудеев.

² Названия, отмеченные одной звездочкой, встречаются только в списке VS, 1; двумя звездочками — встречаются как в VS, 1, так и в контрактах; остальные — только в контрактах.

Однако попытка усмотреть таких зависимых от храмов людей в представителях данного слоя населения селевкидского Урука наталкивается на серьезные препятствия.

Довольствие, получаемое от храмов, упоминается в контрактах, как уже говорилось, в связи с продажей прав на него. В данном случае важен не столько самый факт отчуждаемости этих прав, который изредка наблюдается и в более древнее время¹, сколько многочисленность и разнообразие сделок с ними, что является новостью. Их продают и обменивают, ими оплачивают наемный труд и т. д. Достаточно сказать, что треть всех контрактов из селевкидского Урука посвящена сделкам с правами на храмовое довольствие. Но самым существенным отличием от более древних сделок является то, что если там, собственно, продавалась должность, а вместе с ней и право на довольствие за нее (и если должность делилась, то таким образом, что для получателя части ее было вполне возможно выполнять и свою долю обязанностей), то здесь права на довольствие продаются столь размельченными частями, что предположить передачу вместе с ними каких-либо обязанностей немислимо. Продается, например, шестая, двенадцатая или двадцать четвертая часть определенного довольствия и не на все время, а лишь на определенные дни каждого месяца. Понятно, что передача обязанностей такими же частями не могла иметь места. Получается, таким образом, разрыв между обязанностями и правами по должностям, обеспечивавшимся довольствием. Покупатель отдельных частей довольствия получал положенные доходы не трудясь, по праву купли². К этому нужно добавить, что не только ни один из продавцов прав на довольствие в контрактах не охарактеризован, как обладатель должности, по которой полагается это довольствие, но и вообще эти должности (т. е. должности второй группы) не применяются к реальным лицам, кроме одного единственного случая³.

Значительно помогает понять эти явления уже приводившийся документ VS, 1. Но прежде чем обратиться к нему, нужно сделать ряд предварительных замечаний. Собственные имена, встречающиеся в контрактах, можно четко разделить на две группы. В первую группу входят

¹ См., например, А. П. Р и ф т и н, Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР, 1939, стр. 33, № 2; F. P é l a g a u d, Textes juridiques de seconde dynastie d'Our, «Babyloniaca», III, 1910, стр. 101 сл.

² Кроме свободного отчуждения и передачи по наследству (см. ниже, стр. 74), разрыв между обязанностями и правами, связанными с обладанием довольствием, прекрасно иллюстрируется рядом других фактов. Например, в контракте VS, 7, покупательницей довольствия является женщина, по имени 'An-tit-i-i-ki-su — Антиохиа. Даже если игнорировать то, что она могла быть гречанкой — а это весьма вероятно (отец ее также носит греческое имя), — все же обязанности «входящего в храм» не могли принадлежать женщине, даже и вавилонянке. В контракте ГЭ, 15544, обладатель доли «довольствия мясничества» — išku tābihūtu — вовсе не является мясником, а «привратником дома казны» — amēl ī .DU₈ bīt makkuri. Тот же контракт дает новый интересный факт — доля довольствия в данном случае не продается, а служит платой работнику, нанятому для оросительных работ. Срок найма, зафиксированный в контракте, — 20 лет, плата — доля «довольствия мясничества», полагающаяся ежемесячно на шестую часть 23-го дня. Аналогичная сделка записана в контракте Winckw. Нанимаются два работника сроком на 10 лет. Плата — доля «довольствия мясничества», полагающаяся ежемесячно на шестую часть 26-го дня и восемнадцатую часть 30-го дня. Таким образом, эти доли довольствия представляются товаром или даже его денежным эквивалентом, вряд ли связанным с реальным выполнением обязанностей.

³ В контракте Rutt., IV, упоминается в качестве хозяина земельного участка, соседнего с продаваемым, некий Ануахиддин, маслобой. «Маслобойство» входит в число должностей-профессий, за которые положено довольствие (см. выше, стр. 72). Других подобных случаев в доступных автору данной работы контрактах не встречается.

имена, которые носят реальные лица, выступающие в контрактах в качестве сторон или свидетелей, а также их отцы и деды, приводимые в их генеалогии. Таких имен известно значительно больше двухсот. Вторую группу составляют имена «предков» (родоначальников), которые также приводятся в генеалогии. Таких «предков» во всех контрактах упомянуто не больше десяти. Состав и количество их не меняются в течение всего селевкидского времени. Наиболее часто встречаются имена Кузу, Экурзакир, Ахуту, Луштаммар-Адад, Сянликиуннинни, Шади и т. д. Ни одно из этих имен не употреблено в контрактах для реального лица, его отца или деда, а имена последних, в свою очередь, никогда не применяются для «предков».

Документ VS, 1¹, который, как уже говорилось, представляет собой список обладателей прав на довольствие, имеет большое значение потому, что, во-первых, здесь перечислены имена почти всех «предков», выступающих уже не как «предки», а как обладатели должностей; во-вторых, ни одно из имен, которые в контрактах носят реальные лица, здесь не встречается. Кроме того, характер имен первой группы и имен, встречающихся в VS, 1, в корне различен. В то время как в контрактах более 60% всех имен имеют составной частью имя главного бога Урука—Ану, в списке VS, 1, из 31 имени таких только два. Ясно, что это—список родоначальников, часть которых по неизвестным причинам не встречается в контрактах (быть может, потому, что эти роды вымерли?). Таким образом, поскольку родоначальники упомянуты в данном документе, как обладатели прав на довольствие, можно прийти к выводу, что в селевкидское время (и, возможно, уже несколько раньше) учет обладателей прав на довольствие проводился не по реальным лицам, а по родам².

Это обстоятельство объясняет одну из причин большой раздробленности прав на довольствие: права, передаваясь по наследству из поколения в поколение, дробились все больше и больше. Другой причиной дробления была отчуждаемость их прав. Следующая формула контрактов по продаже прав на довольствие подтверждает оба эти вывода³: ^{m.d}Anu-ah-iddin.... ina ĥud libbi-šu šiššu ša ūmi ina ūmi 14^{kán} iški-šu ^{amél}nuĥatimmûtu pân ^dAnu Antum.... ū ilâni^{mes} ĥiti-šunu gabbi ša arĥus-su kal šatti gukkanê.... ū mimma gabbi ša ana šiššu ša ūmi ina ūmi 14^{kán} iški ^{amél}nuĥatimmûtu suâti ikaššidu mala zitti-šu ša itti aĥĥê-šu u bêlê zitti-šu gabbi ū itti ^{m.d}Nanâ-iddin ^{amél}mâĥirânu iški suâti ana 15 šikli kaspi.... ana ^{m.d}Nanâ-iddin.... ittadin.

Перевод: «Ануахиддин.... по своей доброй воле шестую часть 14-го дня (месяца) своего довольствия пекарства перед богом Ану, Антум....

¹ Документ VS, 1, не содержит даты, но по палеографическим признакам его можно датировать временем не ранее середины IV в. до н. э. Некоторые исследователи (Auzard, Schroeder) считают его несомненно селевкидским, исходя из двух встречающихся в нем имен: La-si-ia и Ki-ne-a-a. Они полагают, что это—греческие имена Λάσιος и Κινεάς, однако это, по видимому, неверно.

² Первоначальной основой такого учета была, очевидно, преемственность определенной профессии в данной фамилии. Для специальности писца такая преемственность прослежена O. Schroeder'ом по контрактам Берлинского музея. Почти все писцы Урука селевкидского времени принадлежали только к двум родам. См. O. S c h r o e d e r, Die Notarfamilien in Uruk der Seleukidenzeit, ZA, XXXII, 1918, стр. 14 сл.

³ Для примера в формулу включены данные контракта ГЭ, 15549. Необходимость большого количества объяснительных вставок в переводе диктуется необычайной сжатостью формул контрактов.

и всеми (остальными) богами храмов, — то, что ежемесячно в течение всего года на праздниках (он получал), и все, что на шестую часть 14-го дня (месяца) этого довольствия приходится, — всю свою долю, которую (до сих пор он имел) наряду со своими братьями и всеми владельцами его долей (и которую теперь вместе с ними) также Нанаиддин, покупатель этого довольствия (будет иметь) — за 15 сиклей серебра... Нанаиддину он продал».

Из этой формулы следует, что владельцами частей довольствия наряду с покупателем являются «братья» (родичи) продавца (ahhē^{mes}-šū) и «владельцы его долей» (bêlê^{mes} zitti^{mes}-šū). Первое говорит о наследственности довольствия, второе — о его отчуждаемости, и если эти положения вошли в формулу контрактов, то это означает, что этот обычай был уже юридически закреплен.

Получается примерно следующая картина: храмы выплачивают определенное количество довольствия, но не определенным храмовым служителям и за их реальный труд, а большому количеству лиц, у которых оказываются унаследованные или купленные права на отдельные части довольствия. Этим лиц нельзя отождествлять с храмовыми служителями. Нет никаких данных о том, что они зависели от храмов. Уже говорилось, что покупка прав на довольствие не влекла за собой никаких обязанностей. Покупатели прав на довольствие были свободны от них. Но ведь то же можно сказать и о продавцах, поскольку ни в одном из случаев нельзя утверждать, что данный продавец прав на довольствие является первоначальным наследственным владельцем отчуждаемого довольствия, а не перепродает его. Очевидно, размельченные части довольствия, выйдя однажды на рынок, непрерывно переходили из рук в руки и потеряли связь с соответствующими обязанностями.

Вопрос о том, на кого же падали эти обязанности, — один из самых важных — не освещен имеющимися документами. Можно делать лишь различные предположения, как, например, то, что у каждого рода существовали наследственные повинности храмам, которые члены этого рода и выполняли (сами или с помощью рабов), независимо от того, продолжали ли они получать довольствие или право на него было уже продано. Несомненно, здесь должен был играть определенную роль рабский труд, но для суждения об этом нет сколько-нибудь убедительных данных¹.

Приходится, таким образом, допустить определенный процесс развития храмовых хозяйств, в котором исходной формой были храмовые хозяйства в полном смысле этого слова: территория и имущество, принадлежавшие храму, и люди, вполне независимые от храма и храмового хозяйства, являвшегося источником их существования, а именно: жрецы, администрация, привилегированные и связанные с культом ремесленники («входящие в храм»)², наконец, производители материальных благ.

Вид, который принимают эти учреждения к селевкидскому времени, резко расходится с первоначальным. Попрежнему храм служит центром объединения, которое, однако, уже никак нельзя назвать храмовым хозяйством. Характер взаимоотношений в корне изменился: вместо прежней

¹ Имеются все же два контракта — С1., II, 53 (из Урука) и СТ, IV, 39с (из Вавилона), — которые могли бы послужить выяснению этого вопроса: они касаются частных рабов, работающих для храма.

² «Входящие в храм» отличались от остальной массы трудящихся в храмовом хозяйстве имущественным положением и квалификацией и обладали в связи с этим определенными привилегиями, которых не имели прочие, в частности правами участия в ритуалах («вхождение в храм»).

зависимости, выразившейся в обязательной деятельности членов храмового персонала исключительно для храмов, теперь имеется только связь между храмом и теми лицами, которые пользуются правами, предоставленными храмами, и, возможно, выполняют определенные повинности трудового, натурального или денежного характера.

По социальному происхождению члены храмового объединения восходят к храмовым служителям, однако в изучаемый период они уже не являются таковыми. Свободное обращение с довольствием, выдаваемым храмом, говорит о том, что оно отнюдь не является основной статьей дохода их владельцев, что у них должна быть определенная обеспеченность и помимо довольствия, получаемого от храма, так что о зависимости от храма уже нет речи. У них имеется своя хозяйственная деятельность на стороне, в городе. Держатели прав на храмовое довольствие обращаются в частных лиц. Вероятно, именно поэтому подавляющее большинство имен в контрактах никак не охарактеризовано в смысле общественного положения их носителей.

Члены храмового объединения были, повидимому, в большинстве случаев представителями более или менее зажиточных слоев урукского населения. В контрактах упоминаются люди, продающие и приобретающие по 3—6 рабов одновременно. Нередко в контрактах фигурируют такие суммы, как 2—3 мины серебра. Такие расходы могли позволить себе только достаточно зажиточные люди¹.

В занятиях членов храмового объединения важное место занимали различные отрасли ремесла. Кроме этого, и земледелие, повидимому, было не чуждо им. То, что у них имелись небольшие земельные участки внутри городских стен, совершенно бесспорно: около половины контрактов фиксируют сделки с такими участками. Но есть данные для предположения о том, что члены объединения владели также хлебными полями за стенами города².

Состав этого нового коллектива не был замкнут, а пополнялся *homines novi*. На это определенно указывает то, что в контрактах из Урука упоминаются греки. В документах выступают несколько десятков людей, носящих греческие имена. Часть из них, как это видно по генеалогии и параллельному вавилонскому имени, бесспорно, вавилоняне, но другая часть — определенно греки, для которых, в отличие от вавилонян, приводится не развернутая генеалогия, а лишь отчество, согласно греческому обычаю (O. Krückmann, ук. соч., 16). Вряд ли следует сомневаться в том, что «новыми людьми», входившими в объединение со стороны, могли быть не только греки, но и вавилоняне. Греки выделяются лишь благодаря именам.

Присутствие греков внутри объединения указывает, насколько далеко отошло последнее в своем развитии от храмового хозяйства в собственном смысле этого слова, и как нельзя лучше характеризует новый коллектив, возникший в результате этого процесса; это уже политическое объединение, стержнем для которого служат храмы.

Необходимо выяснить, чем обусловлено и оправдано появление и существование этой качественно новой единицы, что побуждает членов ее сохранять коллектив, когда уже узы, связывавшие их с храмами, потеряли свой принудительный характер, или сохранять громоздкую нотариальную систему на неупотребительном в разговорной речи языке. Очевидно, какие-то выгоды и преимущества, связанные с членством в

¹ Мина $\approx 1/2$ кг. Средняя стоимость раба — полмины серебра.

² Контракт Rutt., VIII, закрепляет продажу такого хлебного поля, расположенного за городскими стенами.

этом коллективе. Выше уже говорилось о правах на храмовое довольствие, но одного этого было бы недостаточно. Политические права, различные привилегии, предоставленные государством, в данном случае селевкидским (хотя нечто подобное существовало, вероятно, и в ахеменидский период), как объединению в целом, так и его членам, — вот главная основа его существования.

К рассмотрению этих прав и привилегий и следует перейти.

Для освещения вопросов внутренней администрации храмового объединения, кроме урукских контрактов, имеют значение также документы из Куту и Вавилона. Документ из Куту¹ (186 г. до н. э.) представляет собой протокол заседания «соборания» (^{amēl}puḥru) должностных лиц храма главного бога Куту — Нергала — под председательством эконома храма (^{ša}tammu). Обсуждается вопрос о наследстве некоего жреца-заклинателя, умершего бездетным. Один из жрецов предлагает передать наследство его сыну, и это предложение принимается. Здесь разрешается сравнительно узкий вопрос, в известной мере касающийся храма. Крюкманн утверждает поэтому, что хотя puḥru («соборание») и занималось хозяйственными и административными вопросами, все же его компетенция не выходила за пределы узко храмовых интересов. Однако это предположение не подтверждается другими документами. Из Вавилона² дошло постановление «соборания» Эсагилы (центрального храма города) о предоставлении некоему «начальнику свободных, (стоящему) над „городом“ людей храмов» (^{amēl}rab banū³ eli āl ubbudētu ša bitāti ilāni)⁴, ежегодного «кормления» (kurummatu) в две мины серебра за те благодеяния, которые тот совершил в качестве царского чиновника.

В этом документе в данной связи особый интерес представляет название «соборания» ^{amēl}bābilāi ^{amēl}puḥru ša Ēsaggil, «вавилоняне, собрание Эсагилы», а также «„город“ людей храмов», за которым, повидимому, скрывается не что иное, как организация, аналогичная урукскому храмовому объединению. В целом содержание документа (почетный декрет царскому чиновнику) расширяет сведения о компетенции «соборания».

Наконец, документы из Урука (контракты ГЭ, 15549 и Winckw.) указывают на широкие полномочия «соборания». Контракты посвящены найму рабочей силы для использования ее на оросительных работах (см. выше, стр. 72, прим. 2). В условия сделки входит пункт, сформулированный следующим образом: в случае нарушения договора со стороны работника,

¹ С1., I, 88. Автору данной статьи известен по пересказу О. К г ü с к т а н н'а, ук. соч., 72.

² Документ относится к 127 г. до н. э., т. е. уже к послеселевкидскому времени, но это не играет роли, так как царство Харакена, в состав которого в это время входил Вавилон, так же как и другие государства, возникшие на бывшей территории селевкидской монархии, полностью унаследовало ее политическую организацию. Публикация документа: E. U n g e r, ук. соч., 319.

³ Идеограмма ^{amēl}GAL·DÜ.

⁴ Здесь проблематичным является слово ubbudētu, которое больше нигде не встречается. Оно обозначает какую-то категорию людей, связанных с храмами. На основании контекста (а именно, термина ^{amēl}GAL·DÜ — «начальник свободных», «знатных») можно предположить, что это не угнетенная категория людей, а наоборот, привилегированная. Вероятно, так называли в Вавилоне членов храмового объединения, подобного урукскому. Выше этот термин переведен неопределенно — «люди». Слово «город» (ālu) взято в кавычки потому, что в данном контексте оно обозначает скорее определенный коллектив, а не населенный пункт, что видно из дальнейшего. Аналогично употребление термина ālu (община) в Ассирии. См. П. М. Дьяконов, РЗОА, стр. 18.

«все, что „собрание“ Урука и ^{amēl}paḫdu храмов... наложат на него — он (т. е. работник) будет нести»¹.

То, что ruḫru, упомянутое здесь, по своему характеру идентично с ruḫru Куту и Вавилона — очевидно: никакое другое собрание, кроме собрания храмовых должностных лиц, не могло бы иметь власти внутри храмового объединения. Однако в этих документах оно предстает в совершенно новом свете. Прежде всего оно названо ^{amēl}ruḫru ša Uruk^{ki}, т. е. «собрание Урука», что уже прямо указывает на его роль как городского органа управления, а затем к его компетенции отнесена такая область, как регулирование вопроса найма рабочей силы частными лицами, т. е. область, далеко выходящая за пределы узко храмовых интересов.

Таким образом, ruḫru представляет собой главный коллегиальный орган² городского управления, обладающий законодательными полномочиями, или, иными словами, орган самоуправления. Самоуправление, разумеется, распространялось только на членов храмового объединения, считавшихся полноправными «гражданами» Урука.

Итак, пользование самоуправлением было одной из причин, связывавших их в единый коллектив.

До сих пор речь шла лишь о внутренних отличительных чертах храмового объединения. Важно проследить, насколько позволяют источники, какое место занимала эта организация в составе селевкидского государства,

Для этого нужно вернуться ко второму виду свидетельств о совершившихся в селевкидском Уруке частных сделках — к буллам.

Как было уже сказано, разница между клинописной и папирусной (или пергаменной) нотариальными системами заключалась, кроме различия языка и материала для письма, в имеющихся на табличке и буллах печатях. Частные печати на тех и на других совершенно однотипны; нужно думать, что печати не являлись достоянием какого-либо привилегированного слоя, а имелись у всех свободных. Об этом свидетельствуют Геродот (I, 195) и Страбон (XVI, 1, 20), а рассматриваемые документы, буллы и таблички, подтверждают это. Официальные печати (печати царской администрации) встречаются только на буллах. Наибольшее внимание привлекает чаще всего встречающаяся печать должностного лица царской администрации — хреофилака, засвидетельствованного также в Дуре-Эвропе и в Сусах³. Насколько далеко заходили полномочия хреофилака — сказать трудно, но во всяком случае в его ведении находились регистрация и утверждение торговых сделок, а также взимание пошлин с продажи. Печать с изображением царя, царицы или какого-либо божества (конечно, греческого) и с надписью $\chi\rho\epsilon\phi\iota\lambda\alpha\kappa\iota\delta\omicron\varsigma$ 'Ορχῶν встречается на большинстве булл, опубликованных Ростовцевым, как отдельно, так и в сочетании с печатями, удостоверяющими уплату различных налогов и пошлин. Довольно часто встречается печать, удостоверяющая уплату налога на сделки с движимым имуществом, а также печать, говорящая о сборе пошлины с продажи рабов. Около половины булл помечено только печатями хреофилака. Вероятно, это сделки, касающиеся недвижимости, не

¹ ГЭ, 15544. Соответствующее место контракта Winckw. отличается тем, что в нем вместо ^{amēl}paḫdu ša bit ilāni стоит ^{amēl}GAL ^{amēl}[....] ša bit ilāni. В данной связи это не имеет значения, см. об этих терминах ниже, стр. 78 сл. Интересно отметить, что в то время как определение пени для работника, нарушившего контракт, предоставлено «собранию» и ^{amēl}paḫdu (селевкидскому чиновнику, как это будет видно в дальнейшем), пеня для хозяина, нарушившего контракт, указана в тексте: она равняется 10 сиклям серебра (сикль = 1/60 мины).

² «Собрание» не было, вероятно, ни выборным, ни представительным, а представляло собой подобие римского сената.

³ F. Cumont, Fouilles de Doura-Europos, Paris, 1926, стр. 281, 284; M. Ros-tovtzeff, ук. соч., 58.

облаговшейся при отчуждении особым налогом. Имеются также печати, свидетельствующие о существовании соляного налога и пошлин на плавание по Евфрату¹.

Из приведенного ясно, что деловая жизнь области Урука находилась под контролем царской администрации. То обстоятельство, что на клинописных контрактах совершенно отсутствуют какие-либо официальные печати — как печати хреофилака, так и печати, удостоверяющие оплату налогов, — означает, что вся клинописная нотариальная система находилась вне контроля царской администрации и вне области действия царских налогов и пошлин. Иными словами, урукскому храмовому объединению селевкидским правительством были даны определенные привилегии² в виде освобождения от налогов и пошлин на сделки³. Это была признанная государством самоуправляющаяся гражданская община.

Имеются некоторые сведения о том, каким образом эта гражданская община была связана с правительством Селевкидов. В приводившихся уже в связи с вопросом о «собрании» Урука контрактах ГЭ, 15544, и Winckw. рядом с этим «собранием» стоит некое должностное лицо, названное в одном случае *amēl rakdu ša bit ilāni*, в другом *amēl GAL amēl [...]* *ša bit ilāni*. Эти два термина, употребленные в одной и той же формуле однотипных, хронологически очень близких (Winckw. — 157 г. селевкидской эры, ГЭ, 15544—165 г. селевкидской эры) документов, несомненно, обозначают одно и то же должностное лицо. Это не председатель «собрания», который, как известно, назывался *šatammu*, «экономом» (см. стр. 76), а лицо, независимое от «собрания», имеющее иной источник власти. Один из этих терминов, *amēl rakdu* (букв. «тот, кому поручено»), встречается в хронике 36—38 гг. селевкидской эры⁴ в форме *amēl rakdu ša šarri* — «*rakdu* царя». Это, следовательно, царский чиновник, и Н. В. Пигулевская (ук. соч., 45 сл.) справедливо истолковывает термин *rakdu* как одну из аккадских передач греческого *ἐπίστατης*, царского должностного лица, назначавшегося в полисы. Параллельный термин *amēl GAL amēl [...]*, повидимому, можно восстановить на основании данных строительной надписи из Урука (201 г. до н. э.), где упоминается в качестве *amēl GAL amēl SAG āli ša Uruk^{ki}* «начальник главных „города“ в Уруке» некий Ануубаллит-Кефалон. Все исследователи согласны между собой в том, что это был эпистат Урука⁵, и, действительно, его положение, согласно надписи, характеризуется той же независимостью от «собрания» Урука, что и положение *rakdu*. Итак, оба термина (*amēl rakdu* и *amēl GAL amēl SAG*)⁶

¹ О налогах см. подробно М. R o s t o v t z e f f, ук. соч., стр. 74—91.

² Нет никаких оснований предполагать здесь самовольное уклонение жителей Урука от контроля царской администрации. Совершенно отсутствует тот случайный характер, который имел бы место при самовольном уклонении. В данном случае речь идет об освобождении от контроля царской администрации целой нотариальной системы, имевшей свои нормы права, свои учреждения.

³ Нет данных, чтобы судить о том, взимались ли налоги со сделок, закреплявшихся в клинописных контрактах администрацией храмового объединения, в пользу последнего; администрация была, возможно, представлена писцом, имя которого обязательно упоминается в каждом документе.

⁴ S. S m i t h, *Babylonian Historical Texts*, London, 1924, стр. 155.

⁵ См. А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 143; W. W. T a r n, *The Greeks in Bactria and India*, 1938, стр. 24, прим. 3; А. А у м а р д, ук. соч., 7; М. R o s t o v t z e f f, ук. соч., 6; J. J o r d a n, *Uruk-Warka nach den Ausgrabungen der Deutschen Orientgesellschaft*, WVDOG, LI, 1938, стр. 41.

⁶ Этот вариант следует предпочесть другому возможному восстановлению лакуны в виде *amēl GAL amēl DÙ* (в соответствии с термином *amēl GAL·DÙ* в почетном декрете из Вавилона), так как, во-первых, строительная надпись, которая лежит в основе предлагаемого восстановления, происходит, как и восстанавливаемый контракт, из Урука, во-вторых, в ней, как и в последней, перед обеими частями термина стоит

обозначают, повидимому, одно и то же должностное лицо — эпистата. Последний, возможно, уже в селевкидский период мог иметь два и более титулов, гражданских и военных, как это засвидетельствовано для парфянского времени (например, OGIS, I, 254). Кроме того, не следует забывать, что аккадские термины селевкидского времени, обозначавшие должностных лиц, переводились с соответствующих греческих и что поэтому всегда возможны варианты и расхождения (например, στρατηγός — gab uku и gab ruḫri)¹. Повидимому, этим нужно объяснить, что должностное лицо, аналогичное урукскому amēlGAL amēlSAG («начальник главных»), в Вавилоне носило название amēlGAL·DÜ («начальник свободных» или «знатных»)².

Из сопоставления всех этих терминов можно установить еще и другое. Обычное название храмового объединения в контрактах — bit ilāni³, «храмы», уступает место названию âlu, «город», или Uruk^{ki}, «город Урук» в документах более общего характера. Так, например, эпистат в контракте назван amēlGAL amēlSAG ša bit ilāni («начальник главных в храмах») и в строительной надписи — amēlGAL amēlSAG âli ša Uruk^{ki} («начальник главных „города“ в Уруке»). Промежуточное положение в этом смысле занимает вавилонский декрет, где упомянут «начальник свободных, (стоящий) над „городом“ (âlu) людей храмов (bitâti ilāni)».

Таким образом, «город» Урука (âlu ša Uruk^{ki}) — это тот слой населения Урука, который пользовался клинописной нотариальной системой. Представители этого слоя, объединенные вокруг храмов, были полноправными гражданами «города» и пользовались дарованными ему привилегиями и самоуправлением. Все то небольшое, что известно относительно остальных урукитов, подтверждает этот вывод: они обложены царскими налогами и пошлинами, самоуправления не имеют, подчиняются царской администрации, т. е. лишены всех тех прав и привилегий, которыми обладают «граждане»⁴.

детерминатив amēl, между тем как в вавилонском термине он поставлен только в начале. Выбор, впрочем, не играет решающей роли, ибо смысл получается примерно одинаковый: DÜ (banû) — «свободный», «знатный», SAG (rêšu) — «главный», «знатный». Ср. ḡšānê в сирийском — «знатные, участвующие в местной администрации» (Н. В. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V—VI веков н. э., ТИВ, XXXI, 1940, стр. 45).

¹ ruḫru (от ruḫ — «собирать»), кроме «собраний», может означать и «войско».

² Из Урука селевкидского времени дошла еще одна строительная надпись, относящаяся к 243 г. до н. э.: A. T. Clay, Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection, New Haven, 1915, № 52. В ней упомянут некий Ануубаллит-Никарх. Имя Никарх было даровано ему царем Антиохом I. Об этом говорит текст надписи: m. d. Anu-uballit... amēlšaknu nu ša Uruk^{ki} ša mAn-ti-'i-i-ku-su šar mâtâti meš mNi-ki-ka-ar-ku-su šum-šu šanû iš-kun-nu, «Ануубаллит, ... наместник Урука, которому Антиох, царь стран, дал второе имя Никарх». Это царское должностное лицо по своему названию и функциям также, в конечном счете, напоминает эпистата и, может быть, было им. Но возможно также, что его греческий титул был иной. По некоторым соображениям можно предположить, что в течение второй половины III в. до н. э. имело место изменение в государственно-правовом статусе Урука в сторону расширения автономии. Изменение титула правителя можно было бы поставить в связь с этими переменами.

³ Этот термин (букв. «дом богов») нужно переводить именно «храмы», а не «храм», хотя сам по себе термин bit ilāni meš может быть переведен как в единственном, так и во множественном числе. Об этом говорит неизданная табличка селевкидского времени из Государственного Эрмитажа, где дано полное написание этого термина: bitâti meš ilāni meš — «храмы».

⁴ Возможно, что другой отличительной чертой представителей этого слоя населения являлось обладание «предками», т. е. объединение в роды, но, поскольку нет возможности проверить, не было ли подобного явления у остальных жителей области Урука, настаивать на этом невозможно. Неясно, как были распределены на территории Урука «граждане» и «неграждане», жили ли они в обособленных районах или смешанно. Имеющийся клинописный материал оказался бы вполне достаточным для вы-

Необходимо подвести некоторые итоги.

В Уруке селевкидского времени существовало гражданское объединение вокруг храмов, называемое в клинописных документах «храмы» или «город». Члены этого объединения, не будучи зависимы от храмов, были связаны с ними, во-первых, по традиции (их предки были храмовыми служителями), во-вторых, тем довольствием, которое им выдавал храм, в-третьих, возможно, какими-либо повинностями по отношению к храмам и, наконец, самое главное, политическими правами, которые давала принадлежность к объединению. «Город» обладал самоуправлением. Его орган управления — «собрание» (*puhu*) под председательством «эконома» (*satamtu*) храмов — состоял, вероятно, из храмовых должностных лиц. «Город» был признан селевкидским правительством и наделен определенными привилегиями: освобождением от налогов и пошлин на сделки¹ и правом пользования собственной нотариальной системой (по нормам вавилонского права). Рядом с «собранием», а в некоторых вопросах, возможно, над ним, стоял царский чиновник — эписат, назначавшийся обычно из числа местных жителей². Наконец, «город» имел свою земельную территорию³.

Его возникновение в описанном виде, конечно, не относится к селевкидскому периоду, а является наследием более ранних времен. Города, имевшие освобождение от царских налогов и пользовавшиеся элементами самоуправления, существовали еще во времена Саргонидов. Конечно, урукское храмовое объединение не было единственным в своем роде в Вавилонии. Есть прямые данные о том, что подобные организации существовали в городе Куту и в Вавилоне, но, вероятно, и этим не исчерпывается список, так как у нас нет оснований выделить эти города среди других вавилонских городов, каковы Сиппар, Ниппур, Борсиппа и некоторые другие, имевшие подобные права уже раньше⁴.

Взаимоотношения вавилонского самоуправляющегося «города» с окружающим населением, социальная роль «города» освещены имеющимися документами чрезвычайно скупо. Многие, однако, становятся более ясными, если сопоставить «город» с эллинистическими полисами. Принципы выяснения этого вопроса, если бы была известна топография жилых кварталов Урука. Однако западных археологов не привлекают раскопки жилищ рядового населения. Раскопаны только храмы.

¹ Но, вероятно, не от остальных. Надо полагать, что какую-то дань с Урука и других подобных ему городов Селевкиды собирали.

² Это видно по их именам в обоих документах (Ануубаллит — теофорное имя с Ану, главным богом Урука) и по их генеалогии (последние — типично урукские; «предок» — один и тот же у обоих). Предполагают даже, что они из одной семьи (Rostovtzeff, SEHW, I, стр. 436).

³ В задачу данной работы не входит исследование этой стороны вопроса, а также социально-экономической структуры города этого времени вообще, однако нужно сказать, что имеющийся материал дает достаточно четкое представление о землеустройстве в вавилонских городах типа Урука. Хроника 36—38 гг. селевкидской эры (см. S. Smith, ук. соч., стр. 155) говорит об обширных земельных территориях, пожалованных Вавилону Антиохом I. Об аналогичных событиях повествует и документ, приведенный у Б. А. Тураева, ук. соч., II, 254. Там речь идет о даровании земельных территорий вавилонянам, борсиппиянам и кутеям. Оба эти документа свидетельствуют о покровительственной политике Селевкидов по отношению к вавилонским городам. Нельзя согласиться с мнением Н. В. Пигулевой, УЗЛГУ, СИН, IX, 46, что Селевкиды стремились подорвать хозяйственную базу вавилонских городов. Н. В. Пигулевская опирается в данном случае на неверную, с точки зрения автора данной статьи, интерпретацию селевкидской клинописной хроники. Между тем упомянутые документы и ряд других, не относящихся прямо к земельным отношениям, доказывают, что Селевкиды рассматривали вавилонские города как свою опору, наравне с эллинистическими полисами. Этому вопросу автор надеется посвятить отдельную работу.

⁴ И. М. Дьяконов, РЗОА, 136—138; он же, Вавилонское политическое сочинение, ВДИ, 1946, № 4, стр. 14—16.

пиально эти два вида гражданских коллективов по своей социальной функции не отличаются друг от друга, хотя каждое отдельное учреждение одного довольно далеко от соответствующего учреждения другого. Они в корне отличаются по своему происхождению¹, но их роль в системе государства идентична. Селевкиды, при подавлении массы рабов и полувзависимых производителей, рассматривали вавилонские «города» как свою опору, наравне с полисами. Это и было причиной их покровительственной политики по отношению к «городам».

Буржуазные исследователи, говоря о структуре селевкидского государства, совершенно не учитывают политического веса переднеазиатских стран, в частности Вавилонии. Очень ярко это выражено у Тарна (Элл. цив., 143): «...Селевк и его династия стремились эллинизировать Азию; греко-македоняне с их более высокой цивилизацией предназначались к роли господствующей расы, и держава Селевкидов должна была покоиться на обширной сети городов и поселений более менее греческого характера; греческий полис казался им единственным шансом создания устойчивого государства среди масс азиатов». Термин «эллинизация» употреблен здесь в смысле колонизации.

Если заменить здесь некоторые имена и термины современными, то получится типичное рассуждение, достойное какого-нибудь Сесилия Родса. Политический смысл такой модернизации ясен — она призвана доказать извечность и необходимость империалистической колониальной политики.

Тарн стремится показать ее «выгодность» для колониальных народов, которые, помимо «высокой культуры» колонизаторов, получают еще «более совершенные» политические формы, им доколе неизвестные². Тарн, конечно, не высказывает этого прямо от своего имени, а влагает эти рассуждения в уста «Селевка и его династии». Он, однако, не ограничивается общими рассуждениями, подобными тому, которое процитировано выше. Эта концепция внутренне столь владеет Тарном, что доводит его до отрицания очевидных фактов. Таково, например, толкование Тарном надписи Ануубаллита-Кефалона (см. выше, стр. 78), из которой следует, что тот был высшим царским должностным лицом Урука. Тарн расправляется с этим фактом при помощи следующего рассуждения, снова ссылаясь на «Селевка и его династию»: «Селевкидский царь не мог отдать греческого гражданина³ под непосредственную власть вавилонянина;... Кефалон, имевший, несомненно, сильное влияние на свой народ, предназначался для сотрудничества с греческими магистратами и помогал поддерживать хорошие отношения между обоими народами» (W. Tarn, *The Greeks...*, 26). Между тем, ни о каком греческом магистрате речи нет и не может быть, так как характер надписи, повторяющей древние царские строительные надписи, совершенно исключает подчиненное положение составителя (конечно, в пределах Урука). Общий метод колониальной

¹ Впрочем, для некоторых старых эллинских полисов, каковы Дельфы, Эпидавр и т. д., вероятно, можно предполагать происхождение, аналогичное происхождению вавилонских «городов». На это могут указывать филы, связанные с определенными культурами в некоторых городах Эллады. Однако даже и от этих полисов вавилонские «города» отличаются весьма значительно. Урук — рядовой город Вавилонии. Удельный вес жречества здесь нормален (по вавилонским масштабам). Поэтому рассматриваемые условия сложились здесь не в силу каких-либо исключительных причин, а естественно. С Дельфами, например, дело обстоит несколько иначе. Теократия, господствовавшая в Дельфах, не была типична для эллинского полиса вообще, она развивалась к тому же в значительной мере за счет других рядовых полисов. Таким образом, Дельфы на фоне остальной Эллады — явление исключительное. В этом одно из коренных различий между эллинскими полисами и вавилонскими «городами».

² Например: «Греческий полис... был благодетелем азиатского крестьянина, и его политика вела к улучшению положения последнего» (ук. соч., стр. 137).

³ Имеются в виду греки, жившие в Уруке.

политики империализма — включение местных царьков или представителей знати в администрацию в качестве второстепенных и главным образом показных звеньев — перенесен Тарном в селевкидский период.

Существование вавилонских «городов», их привилегированное положение, наличие в них магистратов-вавилонян (и притом далеко не незначительных) — не искусственная и показная политика Селевкидов, стремившихся таким образом примирить покоренные народы со своим господством, но явления, необходимые и естественные в системе селевкидского государства не в меньшей мере, чем, например, эллинские полисы и эллины-магистраты в них. Поэтому чрезвычайно важно то обстоятельство, что Ануубаллит был высшим должностным лицом в Уруке. Эллинистическое государство — не эллинское государство, а государство переднеазиатское.

Хотя известное противопоставление эллинов неэллинам и продолжало сохраняться в это время, оно было, в основном, результатом традиций классического периода. В действительности селевкидское государство не было машиной в руках греков для подавления сопротивления «масс азиатов». Это была «...машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников»¹.

Греки по ряду причин, главной из которых было то, что они пришли в Переднюю Азию в качестве завоевателей, оказались в рядах господствующего класса, но господствующий класс не исчерпывался только ими. В состав его также входили и служили опорой селевкидскому государству высшие слои местного населения, пользовавшиеся покровительством Селевкидов. Их классовыми противниками были рабы, *καὶ φατῆκοί*, городская беднота.

Подменять противоречие между антагонистическими классами противоречием этнического характера — значит затушевывать классовую борьбу. Именно такова, наряду с апологией колониальной политики, цель модернизации эллинистической истории Тарном и прочими буржуазными учеными. Вопрос о соотношении греков и восточных народов в период эллинизма нельзя решать с точки зрения национальной борьбы, так как тогда не было наций и этнические образования не были устойчивы. Это не значит, что не существовало народных движений против завоевателей. Та же история эллинизма дает яркий пример такого движения — героической освободительной борьбы против греко-македонских завоевателей в Средней Азии. Однако было бы антиисторично отождествлять подобные движения с той борьбой за национальное освобождение, тесно связанной с классовой борьбой, которая идет в современных колониальных странах. Приведенный материал показывает, что греки внутри селевкидского государства и после того, как оно сложилось, не считали местный народ в целом бесправной массой, «низшей расой». Традиция диктовала, конечно, выделение «эллинов» из среды местных жителей — «варваров», и факт завоевания первыми последних, без сомнения, содействовал такому выделению, но в своей совокупности это стремление шло в разрез с основной линией экономического и, соответственно, политического развития общества, ибо последовательное его проведение исключило бы местную рабовладельческую и землевладельческую знать из того социального союза богатых, который единственно мог обеспечить успешную эксплуатацию трудящегося населения, и тем самым раскололо бы класс рабовладельцев в угоду старым представлениям. Поэтому прежнее противопоставление «эллинов» «варварам», столь характерное для греков классического периода, сильно сглаживается в этот период (см. хотя бы А. Б. Ранович, ук. соч., 103—104). Действительно, вавилонские «города»,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 114.

не обладавшие формально правами полиса, по существу политически ничем не уступали греческим полисам¹, а царские чиновники, поставленные над ними (что имело место и в городах с греческой организацией), были из среды местного населения.

Все сказанное не имеет целью преуменьшить роль греков в историческом процессе этого времени; роль эта столь очевидна, что ее никак нельзя затушевать. Без них процесс шел бы гораздо медленнее. Однако нельзя считать их роль решающей. Тот этап рабовладельческого общества, который принято называть эллинистическим², вызревал как в Греции, так и на Востоке, где еще со времени Саргонидов происходило самостоятельное развитие аналогичных эллинизму явлений. Роль греков заключалась в том, что они в некоторых районах возглавили этот процесс, ускорили его, внося некоторые новые для Востока организационные и культурные формы, максимально соответствовавшие нуждам данной ступени развития рабовладельческого общества. Однако нельзя ни в коем случае считать социальный строй эллинистической эпохи перенесенным целиком из Эллады. Недаром столь характерная для эллинистического социального строя категория — *λαοὶ βασιλικοὶ* — принадлежит Востоку.

Греко-македонское владычество, при всем его огромном историческом значении для стран Ближнего Востока, явилось все же лишь конкретно-историческим проявлением определенных закономерностей, складывавшихся на определенной ступени развития рабовладельческого общества, на что все настойчивее указывает в настоящее время советская наука.

¹ Разумеется, аналогия имеет в виду функции в государстве, а не внутреннее устройство.

² Термин «эллинизм» можно считать в настоящее время чрезвычайно условным. Разумеется, «эллинизм» без эллинов невозможен, и об «эллинизме» можно говорить лишь в применении к тем областям Передней Азии, где побывали эллины. В данной работе термин «эллинистический» приобретает тем более условный характер, что она посвящена раскрытию чисто восточного явления, имеющего местные формы. Для обозначения исторического процесса в Передней Азии во второй половине I тысячелетия до н. э. был бы, разумеется, более удобен какой-либо другой термин, но такого термина пока не существует. С другой стороны, нет необходимости полностью отказываться от термина «эллинизм». Следовало бы только ограничить его применение областью культурных явлений.